

Раннее утро.

Небо едва начало светлеть.

А городок Хэпин уже наполнился людским гулом.

Лавки всех мастей спешили открыться для торговли.

Уличные торговцы, тесня друг друга, расставляли свои лотки.

Прохожие шли плечом к плечу, задевая друг друга плетеными коробами.

Куда ни глянь – повсюду бурлила жизнь.

У лапшичной на углу дела шли бойко.

За несколькими квадратными столами уже вовсю теснились едоки.

Те, кому не досталось стула, не расстраивались.

Они устраивались прямо на обочине с чашкой в руках и с громким хлюпаньем принимались за еду.

Большинство пришедших в город спозаранку были из окрестных деревень.

Кто-то пригнал скотину, чтобы выручить денег на хозяйство.

Кто-то принес льняную нить или грубое полотно, надеясь заработать несколько медных монет на всякие мелочи.

А были и умельцы, что пришли продать дичь за серебро.

Фан Наньшань был как раз из таких умельцев.

Сегодня он пришёл рано и теперь, присев у дороги с чашкой лапши, уплетал её за обе щеки.

Огромная порция исчезла в его утробе за пару взмахов палочек.

Доев лапшу, он поднес чашку к лицу, собираясь допить бульон.

Но едва край коснулся губ, как кто-то дернул его за локоть.

Фан Наньшань не ожидал такого, и бульон выплеснулся прямо ему на башмак.

Он уже хотел было вспылить, но, обернувшись, увидел, что его дергает за рукав приятель, с которым они вместе выросли.

— Ты чего творишь? Из-за тебя я весь бульон пролил.

Чжоу Синьюань бежал так быстро, что теперь тяжело дышал, пытаясь перевести дух.

— Братец Шань, бросай ты свою еду! Там впереди семейство Сюй собирается бросать расшитый шар, чтобы мужа выбрать.

Фан Наньшань, все ещё переживавший за свою лапшу, отмахнулся от него.

— Ну бросают они шар, а меня-то зачем дергать? Половину бульона мне расплескал.

С этими словами Фан Наньшань снова припал к чашке и сделал глоток.

Чжоу Синъюань, видя, как тот дорожит остатками супа, в сердцах попытался отобрать у него миску.

— Родной мой братец, это же семья Сюй! Те самые Сюй, что держат винокурню! Если сегодня ты поймаешь шар, то станешь их зятем. Будешь ли ты после этого печалиться о какой-то лапше?

Услышав про Сюй с винокурни, Фан Наньшань тут же оживился:

— Неужто тот самый гэ-эр из семьи Сюй? Тот красавец решил бросать шар, чтобы выйти замуж?

Чжоу Синъюань закивал:

— Он самый! Ой, братец Шань, не тяни кота за хвост, а то прибежим последними и ничего не поймем.

Фан Наньшань бросил палочки и уже хотел было припустить к винокурне семьи Сюй.

Но, сделав всего шаг, вдруг замер.

— Это же семья Сюй... А тот, кто бросает шар, – сущий небожитель. Разве такие, как мы, ему пара?

Сказав это, Фан Наньшань снова присел на корточки.

— Не пойду. Ты и впрямь думаешь, что любого возьмут в мужья? Наверняка всё заранее подстроено, и нужный человек уже выбран.

Чжоу Синъюаню было плевать на доводы. Он схватил Фан Наньшаня за руку и потащил за собой.

— Говорю тебе, сегодня зятем семьи Сюй станет тот, кто поймает шар, и никаких хитростей!

Фан Наньшань спотыкался, пока его тащили.

— Постой, мои дикие утки остались в лапшичной!

Чжоу Синъюань обернулся и крикнул хозяину заведения:

— Старина Чжан, пригляди за утками братца Шаня! Мы с ним сбегает к винокурне Сюй, поглазеет на веселье!

Старина Чжан, услышав, куда они направляются, со смехом махнул рукой:

— Ладно, идите. Глядишь, и впрямь улыбнется удача стать зятем семьи Сюй.

Двое мужчин со всех ног припустили к винокурне.

Винокурня семьи Сюй стояла в самом центре главной улицы – в самом оживленном месте

города.

Сейчас перед входом всё было украшено красным.

Собралось немало народу: кто-то пришёл попытать счастья, а кто-то просто поглазеть. Все, задрав головы, во все глаза смотрели на второй этаж.

Там, на внешней галерее, висел пятицветный расшитый шар с узором из двух драконов.

Сегодня любой, кому хватит сноровки поймать этот шар, сможет получить красавца в мужья.

И, конечно же, войти в семью Сюй означало обеспечить себе безбедную жизнь.

Кто бы на такое ни позарился?

Чжоу Синъюань, видя толпу, вполголоса наставлял Фан Наньшаня:

— Братец Шань, видишь тот шар? Как только шар полетит, хватай его и прижимай к груди. Если поймаешь – заживёшь в роскоши.

Фан Наньшань похлопал по рукаву, который тот измял, пока тащил его.

— А сам-то чего не ловишь?

Чжоу Синъюань цыкнул:

— В моем сердце уже есть кое-кто. К тому же из всей нашей компании только ты всё ещё в холостяках ходишь.

Договорив, Чжоу Синъюань снова указал на яркий шар:

— Братец Шань, смотри в оба, лови именно тот, цветной.

Фан Наньшаню надоела болтовня приятеля, и он наконец поднял взгляд на второй этаж.

И надо же было такому случиться – именно в этот миг двери, доселе плотно закрытые, медленно распахнулись.

Хозяин винокурни Сюй Синцай с сияющей улыбкой вышел к ограждению.

Увидев внизу колышущееся море людских голов, он заулыбался ещё шире.

— Третий день третьего месяца – цветы расцветают, ласточки возвращаются в тёплые края.

— Счастливые часы настали – от заката до рассвета двое будут вместе.

Блеснув красноречием, Сюй Синцай звучно провозгласил:

— В семье Сюй есть сын, достигший брачного возраста. Мой сын Шэнъи благонравен и лицом пригож, но, увы, достойную пару встретить непросто, и до сих пор он не обручен. Сегодня, следуя древнему обряду, мы возвели нарядный терем и бросаем расшитый шар. Любой из присутствующих здесь, кто поймает шар, невзирая на сословие и облик, если только он не женат, станет зятем моей семьи Сюй.

Едва он закончил, как внизу раздались одобрительные крики и аплодисменты.

Внутри дома Сюй Шэнъи украдкой поглядывал вниз через маленькое оконце.

Народу сегодня пришло много, но большинство лишь ради праздного любопытства.

В конце концов, в эти времена мало кто из мужчин соглашался идти в мужа-примаки, входя в семью жены.

Тем более – входить мужем-примаком в дом гэ-эра.

Сюй Шэнъи внимательно изучал толпу.

Щеголи и молодые господа – не подходят.

Хлипкие книжники – не подходят.

Растрепанные и неряшливые – не подходят.

Те, в чьих глазах читается голый расчет – тоже не подходят.

Осмотрев всех несколько раз, Сюй Шэнъи остановил взгляд на рослом мужчине.

Хоть тот и был одет в грубое полотно, одежда его была чистой и опрятной, а волосы уложены аккуратно.

Даже взгляд, устремленный на расшитый шар, был прямым и честным.

Сюй Шэнъи приподнял бровь и, обернувшись, вполголоса отдал распоряжения стоящему за спиной человеку.

Тот, выслушав, поспешил вниз.

— Шэнъи, счастливый час настал, — позвал его Сюй Синцай.

Сюй Шэнъи ещё раз бросил взгляд вниз.

Убедившись, что люди, нанятые слугой, окружили того высокого мужчину, он вышел из комнаты.

Молодой хозяин семьи Сюй славился в городке своей красотой и образованностью.

С тех пор как ему исполнилось пятнадцать-шестнадцать лет, свахи то и дело обивали их порог.

Но какой бы знатной и богатой ни была семья жениха, Сюй Шэнъи не дал согласия ни одному.

Было и немало воздыхателей, что целыми днями увивались вокруг него.

Однако Сюй Шэнъи обладал холодным нравом, и угодить ему было крайне трудно.

Многие, чьи сердца были ранены этим ледяным безразличием, в конце концов отступали.

Так, за отказами и проволочками, Сюй Шэнъи дожил до двадцати лет, так и не обручившись.

Для гэ-эра это был возраст, когда время замужества уже считалось упущенным, и в последний год свахи перестали приходить вовсе.

Сюй Синцай хоть и беспокоился, но давить не решался.

Всё-таки сын не был с ним особенно близок.

Отец уже подумывал, что если в этом году Шэнъи не найдет никого по сердцу, то придется скрепя сердце самому устраивать его брак.

Но неожиданно в прошлом месяце Сюй Шэнъи сам предложил взять мужа в дом.

Сюй Синцай не стал спорить и поспешно согласился.

Он рассудил, что так даже лучше: винокурня Сюй останется в семье и не перейдет в чужие руки.

Холодность Сюй Шэнъи объяснялась тем, что он слишком часто видел людское коварство.

Он не верил, что в этом мире существует любовь до гроба к одному-единственному человеку.

Затея с расшитым шаром была лишь способом найти статного и покладистого простолюдина, которым легко будет помыкать.

Зачем ему чьи-то чувства?

Если человек окажется полезным и смирным, он оставит его при себе для компании.

А если нет – избавится от отца, оставит ребёнка, выставив мужчину вон с горстью серебра.

Семья Сюй со стороны казалась богатой и знатной, но и внутри хватало грязи.

Даже сегодняшний выбор мужа был частью холодного расчета.

Вот только Сюй Шэнъи не был простаком – он самовольно перенес день бросания шара на несколько дней раньше.

И не только день, но и сам час назначил на раннее утро.

Ведь спозаранку в город приходят в основном работающие и честные деревенские жители.

К тому же сельчане зачастую неграмотны и просты – такими людьми легко управлять и задобрить их не составит труда.

Именно такой муж и был нужен Сюй Шэнъи.

Первые лучи зари озарили нарядный терем на втором этаже.

Сюй Шэнъи в простых одеждах выглядел бы изящно и строго, но яркое утреннее солнце окутало его фигуру тёплым сиянием.

Прекрасный юноша стоял один на галерее, и его скромное платье казалось расшитым всеми цветами радуги.

Мужчины внизу, увидев такую картину, мгновенно притихли.

Сюй Шэнъи слегка склонил голову, глядя вниз.

Его взгляд был равнодушным, словно он смотрел на толпу случайных прохожих.

Холодный и отчужденный.

Взор Сюй Шэнъи долго блуждал по лицам, пока наконец не замер на ком-то одном. Тогда в его темных глазах на миг вспыхнул огонек.

Фан Наньшань стоял как громом пораженный. Задрав голову, он во все глаза смотрел на Сюй Шэнъи, про себя дивясь: «До чего же хорош этот гэ-эр! Небожитель, не иначе, спустился на землю?»

Обычный смертный, увидев божество, конечно, потерял дар речи и стоял с разинутым ртом.

Он пребывал в оцепенении довольно долго, и лишь когда встретился взглядом с Сюй Шэнъи, сглотнул слюну и наконец закрыл рот.

— Братец Шань, этот гэ-эр из семьи Сюй вроде как на тебя смотрит? — возбужденно воскликнул Чжоу Синъюань.

Фан Наньшань засомневался:

— Да ну, вряд ли. Может, на кого другого.

— Не может он смотреть на другого! Ты сам погляди вокруг – разве среди этих «кривых овощей да гнилых фруктов» есть хоть один, кто с тобой сравнится?

Чжоу Синъюань кричал довольно громко, так что многие «овощи и фрукты» недовольно обернулись на него.

Фан Наньшань промолчал, снова взглянув на Сюй Шэнъи.

Посмотрев немного, он снова покачал головой:

— Не буду я ловить шар. Не пара я ему.

Услышав, что тот передумал, Чжоу Синъюань тут же возмутился:

— погоди, ну и что, что не пара? Попадешь в семью Сюй – будешь для этого гэ-эра верным волом да конем, задобришь его как-нибудь, вот и всё.

Фан Наньшань стоял на своем:

— Не могу я на такое пойти. Такому красавцу в мужья только принцы да вельможи годятся, а не такие, как...

Договорить Фан Наньшань не успел – Сюй Шэнъи уже бросил шар.

Шар, несколько раз от ricochetив от рук, в конце концов с глухим звуком точнехонько угодил в объятия Фан Наньшаня.

Тот инстинктивно прижал его к себе и с ошеломленным видом уставился на второй этаж.

Сюй Шэнъи, видя, что без труда попал в намеченную цель, удовлетворенно кивнул ему и скрылся в доме.

Чжоу Синъюань пришёл в себя и ликующе заорал:

— О боги! Братец Шань, тут и ловить-то не пришлось! Этот гэ-эр нарочно бросил шар тебе в руки!

Фан Наньшань, сжимая шар, всё никак не мог опомниться.

Он посмотрел на подарок судьбы и вдруг закручинился:

— Это... это что же теперь делать-то?

Чжоу Синъюань с силой ущипнул его.

— Братец Шань, ты мужик или кто? Неужто от такого красавца откажешься?

Фан Наньшань снова взглянул на разноцветный шар, и в его памяти всплыл тот кивок Сюй Шэнъи.

Отказаться?

Такой писанный красавец сам идет к нему в мужья, а он – откажется?

Тогда он просто неблагодарный чурбан.

Недоросль.

Глупец, не ценящий добра.

Предатель чужих надежд!

Фан Наньшань крепче сжал шар:

— Возьму! Конечно, возьму! Только дурак откажется!

<http://bllate.org/book/19020/1869915>